

Е. Ю. Пономарев

Приключения вечных друзей

повесть

Евгений Пономарев

Приключения вечных друзей

«Издательские решения»

Пономарев Е. Ю.

Приключения вечных друзей / Е. Ю. Пономарев —
«Издательские решения»,

Эта повесть задумана как своего рода лекарство для людей, которые испытывают сомнения в смысле своей жизни, затрудняются в выборе собственного пути, пребывают в нерешительности. Автор персонифицировал вечных спутников человеческого бытия: Совесть, Смерть и Смысл, — чтобы читатель смог рельефнее, отчетливее увидеть подлинное значение каждого из персонажей в своей жизни. Надеемся, что эта книга поможет обрести осознанность и найти ответы на вечные вопросы.

© Пономарев Е. Ю.
© Издательские решения

Приключения вечных друзей

повесть

Евгений Юрьевич Пономарев

© Евгений Юрьевич Пономарев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Здравствуйте, коллеги, – Смерть задумчиво хрустнула костяшками пальцев, зажмурившись от яркого солнца, поплотнее закуталась в саван с голограммами.

– Привет, вечная труженица, – попытался иронизировать Смысл, но в контрасте с черной одеждой смерти шутка повисла в воздухе и растворилась. – Хотя коллегами нас, Смерть, можно назвать с большой натяжкой.

– Ну, это как посмотреть, – прослушав ответ на свое приветствие от Совести, ответила Смерть. – Я часто слушаю разговоры людей, молву, так сказать. Так вы не поверите! Многие из них на полном серьезе говорят друг другу, что нас, всех троих, нет и никогда не было. Что мы вообще выдуманы и не существуем! Ну, не смешно ли?

– Редко вас вижу, или вы меня, – тихим голосом проговорила Совесть. На фоне дневного света она выглядела особенно прозрачно и воздушно.

– Какие впечатления от людей? – с любопытно-внимательным взглядом спросил Смысл.

– Знаете, давно не работала в таком изнуряющем темпе. Мне хоть руководство иногда даже за сверхурочные и удваивает зарплату, ибо кручусь я как белка в колесе, а входящие все равно не успеваю оформлять. А исходящих у нас отродясь не было, – сказала Смерть и поправила косу на плече. – Вторая коса за месяц и уже никакая. Любят люди друг друга очень. И в этой сардонической любви последнее время друг друга пытаются превзойти, все новые гаджеты для себя изобретают, чтобы мне работы прибавить. У меня уже много миллионов накопилось, даже оформлять иногда не успеваю. А на самоубийц и алкоголиков иногда приходится одну ведомость на троих открывать.

– Да, картина далека от оптимистичной. Я в прошлом году такого от тебя, Смерть, не слышал, – сказал Смысл.

– Ты много чего еще не слышал, – облокотившись мягкий подлокотник, сказала Смерть. – Сейчас они массово себя пытаются убедить, что меня можно отодвинуть.

– В смысле? – спросил Смысл, представляя, как люди домкратом и палками пытаются отодвинуть смерть от самих себя, и ухмыльнулся такой гротескной нелепости.

– А ты оригинал, как вопросы ставить, – сказала Смерть. – Давно не виделись, а ты все такой же. По моим наблюдениям, некоторые люди иступленно стали верить в разные полу магические способы-махинации с геномом, криотехнологии. Это я еще про кришнаитов не рассказывала. В общем, они как всегда пытаются меня обхитрить как выпускницу педучилища. Ты же помнишь, как закончил товарищ, пытавшийся себе компоненты обезьяны пришить. И это не считая целой грозды алхимиков, их послушать – неделю смеяться будешь. А разработчика генома я знаю, он кодирует так, что посмотришь, сразу видно: уровень-Бог. В общем, они с назойливостью выпускника школы лезут под юбку...

– Под юбку к кому? – не понял Смысл.

– Ой, я оговорилась. Лезут в геном и чуть ли не паяльником пытаются его перепрошить. Я им намекала, чтобы с процессорами и сетями баловались, а в серьезные разработки не лезли, так они не слушают. Как сектанты в лабораториях сидят, и обещания в мир таких же как они транслируют. Но ты же меня, Смысл, знаешь-хоть я проста со своей косой как табу-

ретка, но от меня еще ни одна душа живая не скрылась, я фанат принципа просто-значит эффективно. А эти, пусть покоряют пока над своими игрушками, раз ты в полный голос, Смысл, никак не проявишься для них. Хоть бы тогда чем то стоящим занялись.

– Ты же знаешь, Смерть, я не кричу, я шепчу, и то едва-едва. Чтобы меня слышать, надо убавить звуки радио, интернета, телевизоров, приглушить крики друг друга, и просто смотреть и слушать, как это делает человек, гуляющий по лесу в поисках шепота листьев, – задумчиво сказал Смысл

– Ох, уж эти твои поэтические образы, – Смерть скорчила гримасу, от которой случайно проходивший мимо медведь врезался в сосну и упал, – умеешь ты так запаковать себя, что из под ста оберток и то не достанешь. Вон еще одна печальница-молчаливица сидит. Смерть пренебрежительно показала костлявым пальцем в сторону Совести.

– Ты вообще есть, Совесть, или тебя нет и никогда не было? Ты прямо как угарный газ, пока совсем плохо не станет-не заметишь!

– Скорее как криптон, – вздохнула Совесть и зябко повела плечами, – я дама хоть и в большом количестве представлена, но по миру меня распределено ровно столько, сколько надо, то есть достаточно. Вон, люди золото научились извлекать, редкоземельные металлы из недр достают как карты из колоды, а меня все толком и не научились различать. А я субстанция мало того что не избыточно представленная, так еще и в котировках людских бирж нигде не упоминаюсь: кто из сильных их мира будет на меня внимания обращать. У них, людей, еще будет уйма золотых лихорадок на веку, но лихорадки с высокими котировками на совесть никак не предвидится. Да и как они ее распознают: их лекари скажут-это у вас, любезный, вегето-сосудистая дистония. Выдадут больничный, флакон пустырника и гантели для физкультуры. Еще у людских докторов есть много экспресс- тест полосок на всякие субстанции, но до полоски для выявления совести все никак не додумаются: ну- ка, проверим вашу совесть, милейший. А полоска как белой была, так белой и осталась. В чем я со Смыслом солидарна: и меня слышно лишь в полном радиомолчании. А люди слушают только себя, кичатся, как павлины друг перед другом, слушают звон монет и хруст купюр, жужжание ноутбуков и забывают о тебе, Смерть. А когда ты приходишь, они и сделать то ничего не успевают. Я только попытаюсь проявиться, раз-а уже и не актуально. А зверям и птицам я не нужна, да я и общаться с ними не умею. Вон, на медведя этого посмотри: ему бы до берлоги добраться, не до совести тут.

Медведь держался лапой за большую шишку и, кряхтя, вперевалку топал в сторону кромки леса.

– Да, ситуация совершенно не соответствует плановой, – сказала Смерть, положив ногу на ногу, – вместо того чтобы, видя меня, искать тебя, Смысл, люди жалуются на то, что их замучила Совесть, пьют горькую, едят разные неправильные порошки и никак не хотят обратить душу в мою сторону.

– Я никого еще на своем тысячелетии не замучила, – повысив голос, звонко сказала Совесть. – Так, царапаю иногда, а остальное люди сами довершают.

– Ладно, коллеги, – решительно хлопнул себя по коленям Смысл и встал, поправив на шее фиолетовую с отливом бабочку, – так как наше обсуждение затягивается, а у меня еще отчетность не сдана в небесной канцелярии, предлагаю провести полевой эксперимент, так сказать. Находим незадачливого горожанина. Потом ты, Смерть, резко выглядываешь из-за угла. Я в это время буду стоять поодаль, скажем, справа. А ты, Совесть расположишься с левой стороны. Возражения?

Расценив молчание собеседников как согласие, Смысл направился в город.

После недолгих поисков, троица выбрала для своего импровизированного эксперимента представительного джентльмена- сотрудника надзора за соблюдением законности, который размеренным шагом двигался в сторону летнего кафе с букетом лилий.

– Давай, твоя очередь, – Смысл легонько толкнул Смерть под локоть, побуждая действовать. А сам метнулся, как было договорено в правую сторону, Совесть настороженно замерла слева.

Смерть со скоростью гоночного болида выскочила из-за угла и в дико феерическом танце завертелась перед опешившим юношей. Он издал вопль, от которого порозовели даже кончики его начищенных до блеска ботинок, со скоростью рядового Райана отбросил букет в сторону и помчался наутек, истошно голося и дико вращая глазами.

Едва успевая и подбирая длинное платье, за незнакомцем на небольшом расстоянии бежала Совесть.

Смысл сделал шаг вперед, рассчитывая пересечь траекторию бега чиновника-спринтера, но тот, уворачиваясь от встречного авто, промчался мимо и скрылся в питейном заведении с ярко светящейся неоновой вывеской «Vice and Lust».

Бежавший за гражданином Смысл, не успев затормозить, плашмя ударился о дверь рюмочной, едва не снеся ее. Потирая ушибленный бок и бормоча себе под нос непечатные выражения на латыни, он встал на ноги и оглядывался.

Спустя пару минут подошла Смерть.

– Ишь ты, как быстро бегаешь, проказник! Даром что я уже не одну сотню лет ежедневно кроссы бегаю, а таких как этот и догнать сразу не успеваю.

– Да что тут ты, – досадно сказал Смысл, – Он даже на меня не оглянулся, когда ты возникла. Просто ломанулся, куда глаза глядят и ищи ветра в поле. А Совесть до сих пор за пару кварталов отсюда такси ловит: дама она немолодая, платье у нее длинное, а нрав робкий.

– Ладно, – сказала Смерть, недовольно осклабившись, – времени у меня сегодня на эту душу больше нет, зато есть страждущие, которые меня заждались. Отклоняться от графика, ты знаешь, не в моих правилах!. Давай, идеи будут- наберешь!

Бесшумно мерцая, Смерть растворилась в воздухе, пропитанном ароматом лаванды и нотками городского смога.

– Договорились, – очнувшись от задумчивости, пробормотал Смысл, – я пока побуду здесь, может этот резвый горожанин хоть посмотрит в мою сторону.

Едва уловимое хихиканье, похожее на голос летучей мыши, было ему ответом.

Прошло несколько беспокойных, деловитых месяцев. Каждый из участников нашего повествования провел большую работу. Наибольший урожай переспелых, зрелых и даже не начавших цветение жизней, как всегда, достался Смерти. Совесть, неутомимо и с настойчивостью пчелы метаясь по континентам и странам, совсем затупила кончик своего зонтика, стала словно тень самой себя в былые годы. Лишь вечно неунывающий Смысл сохранил аппетит, здоровый цвет лица, похожий на налитое яблоко и хладнокровие, которому бы позавидовал сам Вито Карлеоне.

Смысл проживал в труднодоступной лесной местности, как говорил местный лесник, только куница знала точную дорогу к его дому, да местная служба Контроля скорости, поскольку Смысл был фанатом быстрой езды еще со школы.

В одну из ледяных ночей, когда даже ночной месяц отливал синевой и серебром, в кабинете Смысла раздался пронзительный телефонный звонок. Хозяин дома, закутанный в длинную, безразмерную тунику с подкладкой из бобрового меха, степенно поставил на резной столик бокал и взял трубку.

– Смысл на проводе! Кто звонит в столь поздний час?

– Кто, кто! Та самая, от звонка которой только ты не хватаешься за нитроглицерин и визитку нотариуса, -громогласно сказала Смерть и даже стала казаться выше себя самой

от осознания собственного могущества. Ее самолюбие приятно щекотал факт того, что люди боятся встречи с ней больше, чем со сборщиком налоговых податей.

– А, опять ты. Так давно с тобой не разговаривали, а юмор у тебя все тот же. Действительно, я, Смысл, один из немногих, кто может здороваться с тобой без последствий столько, сколько нужно, -сказал Смысл, -знаешь, Смерть, я из уважения к тебе конечно трубку бросать не намерен, но ты все-таки хоть намекни-зачем звонишь мне в столь поздний час и лишаешь меня порции заслуженных сновидений!

– Так я тебе и без намеков скажу, -Голос Смерти в телефонной трубке стал отчетливее и приобрел стальной оттенок. Я в процессе своего ежегодного общемирового турне обратила внимание на весьма тревожащий факт, Смысл, -Смерть сделала затянувшуюся паузу, словно собираясь с мыслями.

– Да, да, я тебя слушаю, – нетерпеливо сказал Смысл, -продолжай!

– Видишь ли, Смысл, я заметила, что люди совсем тебя не ищут, вот что, -сказала Смерть и от телефонной трубки словно повеяло горечью, -они практически полностью отделились на откуп всяким шарлатанам, продавцам надежд и торговцам верой. Знаешь, есть у людей такая марка бигуди, которая стала нарицательной из-за навязчивости продавцов, ее представляющих. Они приходят к тебе в дом и предлагают эти бигуди испытать. Ну а кто из людей откажется испытать блестящие сверхскоростные бигуди? Ты слушаешь?

Продолжай же!, – нетерпеливо воскликнул Смысл.

– И подобно этим продавцам бигуди, не щадя своих сил, людям дено и ночно пытаются продать, даже подарить твои искусственные статуэтки. Это эдакие пародийные скульптурки, которые лишь твоя тень, Смысл. Люди считают, что эти жалкие тряпичные куклы, набитые соблазном и опилками, и есть ты! Особенно они поклоняются идолу в виде быка из папье-маше, покрытого дешевой позолотой. Еще весьма популярна такая странная статуя, которую они называют богиня Карьера. У нее вместо щита красная канцелярская папка с буквой N и вульгарные зеленые туфли на длинном каблуке. Видное место в сонме этих картонных кукол занимает жрец Имидж, завернутый в блестящую позолоченную бумагу. Его лицо, искаженное растянутой до ушей улыбкой в 32 зуба, украшают аляповатые очки размером в пол головы с дешевыми пластмассовыми стразами.

Также большим почетом пользуется жрица, которую они называют Популярность, она черного цвета и обладает длинным раздвоенным языком, которым, как они уверены, доносит правду до всякого жаждущего ее услышать. Есть еще странный брусок из гладкого закаленного куска кремния, довольно тонкого на вид, но в тоже время не столь прозрачного, как кусок слюды. И люди с видом бывалых живописцев водят по нему пальцем, прикладывают к уху как морскую раковину и показывают друг другу. Есть еще большие куски похожего материала, они затаскивают их в дома и там напротив них сидят, иногда даже целыми семьями. Причем часто сидят с таким видом, как разгоряченные зрители на трибуне во время гладиаторского поединка. Ты же помнишь те непростые времена, Смысл?, -сказала Смерть и выпила глоток родниковой воды.

– Да, я помню те времена, Смерть, – сказал Смысл.

– Тогда еще этот, как его... Юлий Цезарь тебя, Смерть, очень смешил, убеждая свою льстивую и надменную челядь, что они всем скопом простудятся на его похоронах. А потом Брут убеждал всех о том же самом. А как истории эти кончились, не мне тебе напоминать.

– Да, со вздохом сказала Смерть, -у меня таких историй миллиарды. И каждый как маленькая самодовольная цапля доказывает окружающим, что с ним то будет по другому, что он же особенный. Особеннее самых особенных. А если не доказывают это окружающим, то молча прокручивают в голове раз за разом. Что суть одно и тоже, только менее заметно.

– Знаешь, я все больше замечаю, что люди ведут себя подобно несмышленным малышам в довольно тесной и уютной песочнице. Они раскачивают ее, дерутся из-за позолоченных совочков, отбирают приглянувшееся ведро и сообща нападают друг на друга. А потом, всласть накричавшись, потирают ушибленные бока, иступленно хнычут, визжат, и расползаются каждый в свой угол. А потом замечают с удивлением и страхом, что песок то весь и высыпался. Они так сильно махали и толкали друг друга, пытаясь урвать куски добычи, что весь песок разметался по всем сторонам света и его теперь ни пинты не осталось. А имя тому песку-время! -с запалом сказал Смысл, -оно то и высыпается отовсюду, где ему положено быть. А они и не замечают этого, продолжать копошиться в этом драгоценном песке, даже не замечая его.

– Да, Смерть, твои слова похожи издали на правду, но, возможно, все не так печально, ведь люди продолжают жить, плодятся, вкушать бесчисленные земные блага. Да, у них есть и идолы, как они бы и в те времена, когда ты носила более узкое в талии платье. Возможно, людям надо познать идола, чтобы, отвергнув его, принять правду? Ты же знаешь, Смерть эту избитую историю, когда путник стал ценить каждую каплю воды, ловить ее губами, когда она не успевала долететь до земли, но только после того, как жар дня и холод ночи в пустыне едва не выбили из него дух? -азартно воскликнул Смысл.

– Припоминаю эту историю. Слушай, ведь это лишь маленькая, малюсенькая частность, ничтожный по размерам статистический случай. Да, тот парень стал ценить воду, только познав жажду. А тысячи других, будучи в такой же ситуации, задушили бы первого встречного даже с наперстком живительной воды. Они, видимо, все такие. Во всяком случае, большинство. И знаешь, мне это в принципе, без разницы. Я работаю как часы уже тысячи лет и эти частности ни скорость, ни неумолимость моей работы не изменят. Я выполняю приказы, а они не обсуждаются, как известно. Ты тут упомянул про воду, которую страдающие от жажды боготворят, и я вспомнила еще одного идола, которого люди ставят рядом с фигурой позолоченного картонного быка. Вид этого идола даже меня рассмешил-ты представь себе бочку... просто бочку. Это же какой то гротеск, замешанный на абсурде!

– Я слышал, что имя этого идола Баррель, -сказал Смысл, -они наполняют его нутро черной маслянистой жидкостью, целые страны, народы поклоняются ей, что на Севере, что на Востоке, во всех городах и весях. Тысячи специальных людей ведут денно и нощно торг этим товаром, цена на который иногда напоминает конвульсии умирающего.

– Да, когда эта цена особенно резко снижается, мне приходится работать по внеурочному графику, -на другом конце провода Смысл услышал недовольную интонацию.

– Скажи, Смерть, а встречались ли тебе люди, которых ты не хотела забирать? Я имею в виду, представь, получила ты приказ, направляешься его исполнить и вдруг внутри у тебя что то екает, словно рано еще эту душу забирать? -с любопытством спросил Смысл

– Да, таких большинство, пожалуй. Они как не успевающие налиться соками земли колосья пшеницы, хотя есть и такие, время которых пришло, их амбары прошлого наполнены под завязку, зерно обмолочено и собрано, дела мудры и созвучны музыке высших сфер. Их дела и мысли вплетены в ткань бытия, словно бережно подогнанные одна к другой нити роскошного персидского ковра, узор их поступков я читаю с изумлением, и признаюсь тебе, словно с легким оттенком доброй зависти, -скороговоркой выпалила Смерть и опять задумалась

– Да, кстати, я помню одного подобного человека, -вздыхнул Смысл, -он жил, насколько я помню, в Австрии, в городе Вена. Я практически держал за руку его в последние годы, хотя и в зените жизни тоже не покидал Мы виделись с ним практически ежедневно.

– Да, я поняла, о ком ты говоришь, Смысл, -в голосе Смерти ощущался соленый оттенок, -жаль, что мы часто не различаем людей по фамилии.

– Как ни грустно мне признавать, Смерть, в целом твои слова добавили мне весьма большую порцию скепсиса в отношении людей. Но я буквально таки отказываюсь в это верить, -в голосе Смысла вновь зазвучали азартные ноты.

– Послушай, Смысл, -сказала напористо Смерть, -не в моих правилах кого бы то ни было уговаривать. Если ты сомневаешься в моих словах, считаешь меня, старательную труженицу, источником дезинформации и разночтений, то возьми и соверши турне по миру. Анонимно, как ты любишь. Так, чтобы ни одна живая душа тебя бы не распознала. Визы тебе, насколько помню, не нужны, скорб у тебя раз-два и обчелся. Поэтому с путешествием накладок возникнуть не должно. Единственное, -голос Смерти приобрел отчетливо ироничный оттенок, трубка телефона словно передавала отблеск ее улыбки, -одевайся тепло и не забудь противопыльные очки, если надумаешь появиться в пустынной местности, там есть беспощадные песчаные бури. А где бурь нет, там летает целый рой свинцовых пчел, которые жалят лишь однажды. Хотя я на тебя все равно не действую, ты бы для безопасности взял бы бронежилет пятого класса и разгрузку-будешь там шоколадки свои хранить, – Смерть закончила последнюю фразу с интонацией бабушки, собирающей внука в школу.

– Спасибо за заботу. Пожалуй, ты права, надо очно оценить обстановку, проникнуться идеями, которыми люди дышат и живут, произвести, так сказать, обширное полевое исследование, так ли последнее время пропиталось людским упадочничеством, – голос Смысла зазвучал громче, чувствовалось, что идея о путешествии пришлась ему по душе.

– Хорошо, по возвращению пообщаемся, -сказала Смерть и отключилась.

Смысл решил свое трансконтинентальное путешествие начать с Запада на Восток, преодолевая в пути столько миль, сколько потребуется, ведь его не смущали ни расстояния, ни широта материков, ни глубины океанов, ни причудливая радуга диалектов и языков.

И вот наш путешественник прибыл в год зданий, которые, подобно пальцам робота, тянулись от земли к небу. Распаковав вещи и отужинав в блестящем глянце кафе при гостинице, которое лоснилось чистой и свежестью, а персонал был предупредительные распорядителя на свадьбе, наш герой неторопливой походкой направился в район города, где у него была оговорена встреча с одним влиятельным человеком. Смысл то и дело огибали торопливо идущие прохожие, в своем напряженном ритме передвижения они напоминали вестовых штаба крупного армейского соединения. Взгляд людей был оживленно-деловым, руки и ноги энергичнейшим образом двигались в такт движению. Ни один из спешащих прохожих не обратил на городского гостя никакого внимания, хотя шел он размеренно-чеканной походкой отставного офицера за пятьдесят и его темп явно выбивался из скорости передвижения местных. Улицы города напоминали ущелья, подсвеченные бьющим в глаза светом тысяч реклам, вывесок и обычных уличных фонарей. Определенно, застав при жизни нынешнюю картину, Яблочков и Эдисон пришли бы в совершеннейший восторг и долго бы посыпали друг друга поздравлениями.

Смысл прислушался. Улицы города были наполнены миллионами различных звуков, которые в совокупности придавали ему сходство с огромнейшим деловым предприятием, которое день за днем старательно и неумолимо обслуживалось армией преданных сотрудников. Наконец, миновав десятки перекрестков и километры прямых улиц, Смысл добрался до места назначения. Вход в здание был весьма искусно подсвечен светодиодными светильниками, фасад был безукоризненно облицован черным и серым гранитом, который придавал небоскребу вид гиганта, одетого в идеально скроенный костюм. По бокам от вращающихся дверей на стенах располагались 2 мощных прожектора, которые били в небо, образуя лучи света в виде двуручных мечей. Лифт бесшумно вознес Смысл на двухсотый, последний этаж здания. Пройдя по коридору, облицованному панелями из железного дерева, он уперся в массивную дверь, расположенную в небольшой ниши, невидимую со стороны лифтового

холла. Едва Смысл коснулся костяшками пальцев полированного дерева, чтобы постучать, дверь бесшумно отворилась.

– Здравствуйте, – в воздухе прошелестел миловидный женский голос, – мы ценит Ваш визит в нашу организацию. Мистер М. ожидает вас, пожалуйста, проходите. Смысл решительно шагнул вперед и оказался в просторном помещении, стены которого были облицованы полосами нержавеющей стали и массивом тикового дерева. Пол покрывал черный ковер с вышитым рисунком белых песочных часов посередине. Вокруг царил мягкий полумрак, лишь красивая настольная лампа в форме снопа колосьев приковывала внимание.

– Присаживайся, сынок, рассказывай, с чем пожаловал, – вместо приветствия сказал подтянутый мужчина в идеально подобранном костюме-двойке, посасывая кончик пахучей кубинской сигары. Этот человек сидел полубоком к Смыслу, повернувшись вполоборота в сторону целой стены, заполненной, словно пестрой мозаикой, множеством мониторов. На них, как тонкие переливающиеся многоножки бежали колонки цифр, названия множества компаний и корпораций. Казалось, вся стена за спиной этого человека жила своей отдельной биржевой жизнью, наполненная ежесекундным движением как капиллярная сеть.

Взгляд этого человека отличался цепкостью скрытой видеокамеры, от его глаз веяло удивительной силой, казалось, ему ничего не стоило остановить идущий на полном ходу эсминец с экипажем, только посмотрев на корабль.

– Спасибо, что уделили мне время, сэр, – с учтивостью и почтением школьника младших классов сказал Смысл, – видите ли, я провожу обширные практические исследования и хотел узнать, – продолжал он, – как у вас тут обстоят дела со смыслом?

Цепкий взгляд незнакомца сосредоточился на переносице Смысла.

– Черт возьми, сынок! Что же ты тянул резину все это время и не сказал мне сразу зачем пришел. Ты, как я понял, работаешь на старину Гэллапа. Я даже пересекался с ним, еще будучи моложе тебя. Величину средних значений по любому интересующему тебя критерию тебе расскажут мои аналитики. Эти парни так дотошны, что сам Темплтон их побаивается! И передай им, чтобы они ускорили маркетинговые исследования по капсулам со временем, скажешь, я распорядился передать.

– Капсулы со временем? – удивился Смысл, – а что это?

– Вообще то, это разработка, о которой до поры до времени распространяться не стоит. Но твой нынешний босс, как я слышал, на короткой ноге с нашим мэром, поэтому тебе я в общих чертах расскажу. Мы собираемся заполнить рынок капсулами со сжатым временем. Знаешь, есть такие баллончики с углекислотой, которые подростки заряжают в свои пистолеты. Так это по сути тоже самое, только вместо газа там время. Тебе понадобилось, скажем, месяц, ты такой баллон прикупил и ни в чем себе не отказывай, самодовольно сказал делец

– Вы, я предполагаю, уже забронировали себе пару ангаров с такими баллончиками, – спросил Смысл и прищурился, – Смерть об этом в известность поставили?

– Ты мне эти ретроградные разговоры брось! – блеснув ястребиным взором, сказал мужчина, – мои парни разработали в прошлом году такой набор белковых фракций и комбинаций ДНК, что их лабораторные мыши прожили в пятнадцать раз больше запланированного срока. Этот препарат скоро выйдет на стадию клинические исследований, как раз капсулы времени будут доведены до ума и стартанут в полную мощность, эти два фактора превратят твой вопрос, в парень, в смешную нелепицу. Знаешь, Смерть станет эдаким аналогом барабашки, которым пугают необразованных деток из богом забытых мест.

– А как вы распорядитесь этими капсулами, если, допустим, ваши ученые смогут их довести до практически применимого вида? – с осторожным любопытством спросил Смысл человека в кресле.

– Да ты, как я посмотрю, чудаковатый парень, -мужчина от удивления приподнял брови и саркастически скривил рот, -ты еще скажи, что человек важнее денег. Сынок, когда эти два проекта выстрелят, я стану королем рынка. Я даже стану не то что королем, я этот рынок просто-напросто слеплю под себя так, как моя жена лепит мне дома любимые бараньи котлеты, – он с жаром сделал сжимающие движения обеими ладонями, никто, слышишь, никто не сможет влезть в этот рынок, мои капиталы вырастут в геометрической прогрессии. Конечно, рынок хапуг-пластических хирургов и тому подобных шарлатанов станет как шагреневая кожа, ну а мне то что до этого! Пойдут вырезать поделки из сосны своими ножиками, -на последней фразе он громко хмыкнул и выразительно посмотрел на Смысл, который, скрестив ноги, молча сидел напротив.

– И вообще, парень, за время болтовни с тобой, мой кошелек стал легче на пару миллионов. Я так с тобой по миру пойду. Короче, спускайся в отдел исследований и пудри им мозги своими вопросами. Удачи! -сказал повелитель котировок и резким рывком развернул массивное кожаное кресло в сторону стены, увешанной мониторами и графиками.

Траектория поисков Смысла пролегла через многие страны, была причудливой и многие орнитологи удивились бы ей.

– Бригадный генерал Хафез Нахтигаль, -протянул раскрытую ладонь Смыслу высокий мужчина с черной как полночь бородой.

– Репортер газеты «El Senso» -, сказал Смысл, ответив на рукопожатие.

Спустя несколько часов тряского, непрерывного пути на армейском джипе, он наконец оказался в расположении подразделений генерала Нахтигалья. Его части стояли на самом остром выступе фронта, глубоко вклинившегося, судя по нечасто обновляемым штабным картам, в атакующие армии противника. Главный нюанс ситуации придавал факт, что подразделения генерала являли собой бледную тень их боевой мощи годичной давности. Покусанные и потрепанные беспощадными рейдами врага, его контратаками, смертельным зноем пустыни и разъедающим боеспособность страхом, его отряды являли собой скорее иррегулярные формирования городских банд, нежели некогда монолитного боевого подразделения, которое контролировало в лучшие времена до пятисот километров линии фронта. С учетом постоянных глубоких рейдов противника во фланги генерала, он и его воинство находилось в более чем уязвимом положении. По сути, один непрерывный огневой налет в сочетании с авиа поддержкой мог навсегда прервать пуповину, по которой генерал и его люди получали снабжение живой силой, продовольствием и боеприпасами.

Генерал вместе со своим гостем находился в глубоком многоскатном дзоте, искусно замаскированном на местности с помощью низкорослых сосенок и какой то местной колючей растительности, названия которой Смысл не знал.

В центре помещения, освещенного мощными настенными лампами, располагался стол, на котором была расстелена безразмерная армейская карта, вся словно покрытая татуировками, с бесконечными флажками, стрелками, штрихами и прочими элементами штабных премудростей. В углу блиндажа стояли два ящика из-под боеприпасов, накрытых брезентом, на котором плотными рядами стояли десятки шуршащих на все голоса раций, напоминающих о невидимых, но деятельных в своих подразделениях подчиненных генерала. На дальней от Смысла стене с помощью растяжек было распростерто полотно золотистого цвета, на котором витиеватой вязью были начертаны неведомые Смыслу слова, под надписью располагалась горизонтально расположенная сабля.

Над картой склонились несколько деятельных мужчин в гражданской одежде и что то оживленно обсуждали на своем малопонятном языке, одновременно ожесточенно тыкая в разные участки карты остро заточенными карандашами, словно пытаясь попасть в воображаемое насекомое. Смысл присел на складной стул, обшитый брезентом, и, пользуясь

затишьем, стал рассматривать генерала. Это был ладно скроенный человек под два метра ростом, затянутый в идеально подогнанную черную форму. Его грудь и спину пересекали ремни наплечной кобуры, из которой с равнодушием циклопа выглядывал ствол Глок 17. Пояс генерала охватывал широченный с массивной рыжей пряжкой ремень, на которой невольно к месту смотрелась бы пиратская сабля. На ногах генерала были одеты широкие черные штаны, наподобие небезызвестных шаровар, тщательно заправленные в высокие сапоги без каблуков из мягкой телячьей кожи. Его лицо, словно вошедшее в этот мир со страниц сказок про сокровища Али Бабы, украшала окладистая, аккуратно подстриженная борода. На голове был ловко повязан шейный платок, который наши современники метко прозвали арафаткой.

В обеих руках у него виднелись две рации, имевшие, по сравнению с ладонями генерала, совершенно игрушечные размеры. Рации тоже постоянно шипели и шуршали на все лады, транслируя в помещении важную информацию с мест. За генералом как тень бесшумно следовал сухопарый парень в выцветшей пехотной форме без знаков отличия, за его спиной возвышалась массивная радиостанция в корпусе грязно зеленого цвета, на ушах красовались черные наушники размером с блюдце, горло охватывала тонкая полоска ларингофона. Из рации вверх, как стебель бамбука, торчала антенна с маленьким алюминиевым трилистником на самой верхушке. Трилистник часто чиркал о потолок укрытия, повторяя каждое движение радиста и словно распространяя в пространстве деловитое беспокойство, как маленькая неугомонная птичка.

Внезапно рации на соседнем столике резко оживились, если раньше речь из них была похожа на ручей, сейчас словно пошел ливень. Генерал выпрямился как стальная пружина и процедил сквозь зубы, -опять!, -и, поднеся одну из раций к губам, молниеносно скрылся в ближайшем окопе полного профиля.

Смысл вприпрыжку пытался следовать за командиром оборонявшихся. Маленькие, липнущие к земле коробочки танков неумолимо приближались к замершем в ожидании шквала огня укрепрайону.

— Али, зови истребителей, нам самим не справиться с этой ордой, — рявкнул генерал. Сухощавый Али вскинул руку к виску и молниеносно исчез. Показались полусогнутые фигуры операторов противотанковых комплексов, несущие на своих спинах треноги, похожие на больших зеленых кузнечиков. Ближайший к Смыслу молодой юноша прильнул к окуляру, спустя мгновение со станка шипя и вращаясь сошла ракета и, как маленький яростный дракон на привязи, устремилась к танкам неприятеля. За ней, мгновенно раскручиваясь в воздухе, летела едва заметная стальная проволока, дополняя сходство боеприпаса со сказочным персонажем. Наводчик с точностью заправского токаря вращал маховики наведения, ориентируя ракету в ее последнем полете. Тандемный боеприпас превратил в атомы пластины динамической защиты, кумулятивная струя ужалила ближайший к стрелку танк в лобовую броню и прошла расположение командира. Тяжело бронированная машина, словно смертельно раненый носорог, дернулся из последних сил и замер, ствол орудия поник к земле и выпустил облачко синеватого дыма. Спустя несколько мгновений, из башни, как из раскаленной доменной печи, вырвался яростный факел ослепительного оранжево-желтого пламени, унося души экипажа ввысь, к безоблачному, сияющему торжественной синевой небу. После обоюдного обмена ударами, лихорадка боя стала стихать, стороны взяли паузу для пополнения запасов и придания убитых земле.

Генерал подошел к Смыслу, -уважаемый, я думаю, Вам пора отправляться в путь. По моим данным, увы, следующая атака нашего противника закончится плачевно для всех ныне присутствующих здесь. Моя разведка доложила о прибытии в расположение наступающих на нас частей нескольких дивизионов установок залпового огня. Мне нечем отвечать им, -последние слова дались генералу особенно тяжело. Его лицо словно окаменело, по лбу

обильно стекали ручейки пота, глубоко запавшие глаза с беспощадностью гаубицы смотрели в упор на Смысл, -я немедленно приказываю вам покинуть наш опорный пункт, иначе ваши останки не смогут найти даже криминалисты. Карандаш, которым генерал жестикулировал в воздухе синхронно с разговором, треснул как сухая ветка. В блиндаже наступило недолгое молчание, нарушаемое лишь глухими отзвуками рвущихся неподалеку снарядов. Песок сочился едва заметной струйкой между бревен укрытия, придавая происходящему сюрреалистический оттенок.

– Как скажете, генерал, -сказал Смысл, -вы здесь командир. Ваши шансы совсем ничтожны и сопротивление не изменит ход грядущего сражения?

– Единственное, что тут изменится через 20 минут-рельеф местности и панорама этой унылой пустыни дополнится рваными кусками стали и опаленной человечины. Убирайся отсюда! -заорал генерал, с грацией танцора развернувшись к замершему за спиной радиосту и гаркнул, -передай комбату-связь со мной дублировать проводом. Дальше-пусть выкачивает все свои орудия на прямую наводку и, увидев идущие на дистанции выстрела корочки, бьет беглым огнем до последнего снаряда. Начать огонь бронебойными, осколочные оставь, будем ими работать по атакующей пехоте. Пусть гранатометчики будут готовы сразу открыть огонь а не телится, копошась на брустверах, как в прошлую атаку. Командирам подразделений доложить о готовности и усилить посты наблюдения за местностью! О потерях докладывать ежеминутно!

Спустя пару минут ходьбы скорым шагом, Смысл поднялся на небольшой бархан и оглянулся. Тысячеголосое эхо разливалось по опаленной войной долине. Воздух рвал на куски грохот преисподней, земля дрожала от молниеносного, и всесокрушающего залпа реактивных батарей. Местность, где сегодня утром был Смысл, превратилось в ожерелье черных туч разрывов, у основания подсвеченных темно оранжевым пламенем. В воздух взлетали целые батарейные расчеты, ненасытные демоны войны рвали на куски ровные линии окопов и как орехи крошили дзоты, дьявольский танец смерти дополнялся визгом картечи, которую извергали жерла танковых орудий атакующих, бивших с флангов на предельных дистанциях. Они вели огонь с неумолимой точностью, сметая с лица планеты дезориентированных и покидающих занятые позиции людей в длинных черных одеждах. Спустя десяток минут все было кончено, и лишь карты памяти парящих над местом сражения беспилотников записали эпизод большой и кровавой игры, в которой иногда побеждают государства, но неумолимо исчезают люди...

Преисполненный уверенностью в собственной правоте, Смысл продолжал свое одинокое путешествие. Поскольку ему была неведома людская усталость, сомнения в правильности своих действий и прочие человеческие слабости, наш бесстрашный герой продолжал наматывать сотни и сотни морских миль.

Смысл скорым шагом направился большому белому зданию, вход которого украшали две полуобнаженные Венеры, подпирающие тонким руками массивную двухскатную крышу. Большой дворец, словно созданный для ублажения богатых вельмож, был витиевато подсвечен мягким розовым светом, массивные барельефы на стенах представляли застывшие сцены из древнеримских комедий. Замершие в камне герои ушедших эпох смотрели на Смысл, а Смысл смотрел на них. Миновав высокую мраморную лестницу, полукругом обрамлявшую вход в здание, Смысл вошел внутрь. Воздух был наполнен тонким ароматом иланг-иланг и жасмина. В позолоченных клетках на свисающих с потолка цепочках сидели маленькие райские птицы и наперебой щебетали, словно пытаясь донести какие неотложные новости до вошедшего посетителя. Пока Смысл в изрядном изумлении оглядывался

по сторонам, перед ним возник двухметровый юноша с фигурой гладиатора. Судя по цвету его кожи, большую часть жизни он проводил в солярии, нежели в библиотеке.

– Чем я могу облагородить минуты жизни прекрасного господина? -прошептал юноша голосом, который явно не сочетался с его внешностью.

– Добрый день, -деловито сказал Смысл, -мне нужен мистер Приап, местный режиссер и постановщик, драматург и как он там себя еще называет...

– О, так вы гость самого Властителя сцены! -голос парня стал до того слащав, что казалось, в воздухе распылили сахарную пудру.

Гость едва заметно поморщился, -Да, именно!

– Соболаговолите следовать за мной, -жеманно размахивая руками и оттопырив мизинцы в сторону, смуглый хостес стал поднимать по лестнице. Спустя пару минут Смысл оказался перед дверью с надписью «Мистер Приап. Антрепренер.»

Смысл постучал.

– Заходи, кто бы ты ни был, -раздался голос, после которого голос парня казался верхом брутальности, -ну здра-а-австуйте! Наконец то вы изволили посетить наш скромный уголок искусства, где всякий талант может получить признание и поддержку, -жеманно продолжал Мэтр-наши общие друзья сказали мне, что вы интересуетесь передовыми постановками на театральном поприще. Они просили меня показать настоящую Психею, шаловливую покровительницу искусств, ее, так сказать, самые манящие части тела. Еще наши общие друзья отрекомендовали вас как большого знатока современных постановок и любителя вольнодумства!

«Да, вольнодумства, только мы понимаем это слово по разному» -подумал Смысл и сказал, -да, мне интересно узнать, какие, так сказать, подводные течения приводят в неугомонное движение нынешнюю драматургию, чем подвижны портьеры вашего экспериментального театра. Что нынче ставят, какие гиганты сцены, возможно, творят в вашем храме искусства? Какими замыслами и идеями подвижна ваша творческая эскадра?

– О, мой благородный ценитель красоты и почитатель торса Аполлона, – с прежней интонацией изрек режиссер, бережно касаясь длинным ногтем мизинца диковинный объект в углу своего массивного письменного стола. Объект представлял собой рулон туалетной бумаги, обернутой тремя витками колючей проволоки. Вся конструкция была окрашена в золотой цвет.

– Кстати, а что это у вас на столе такое? – удивленно спросил Смысл.

– О, мой юный ценитель трубадуров, как вы могли так легкомысленно не узнать новую инсталляцию нашего легендарного художника Порфирии Сталь. Этот арт объект называется Тирания, прикупил его на одной выставке за 320 тысяч. Можете вообразить, едва не приключился грандиознейший скандал-недалекая уборщица чуть не выбросила этот апогей скульптуры в мусорку. Ох уж эти крестьянки с мозолистыми руками! -он сделал взмах руками, словно пытаясь собрать расплескавшуюся в воздухе воду.

– Мне вас рекомендовали, мистер Приап, еще и как видного деятеля на поле художественной критики и руководителя ведущего творческого объединения «Пыль». Расскажите мне вкратце, какие у вас проекты в работе? -спросил Смысл и приготовившись слушать, наклонил голову в сторону собеседника.

– О, любезный мой импровизатор, -заговорщицки зашептал Приап, -сейчас у меня в работе находится несколько творческих замыслов, работ, так сказать. Это и сценарии, которые создаются для постановок в моем скромном заведении, так и ряд перформансов, служащих для привития народу ростков прекрасного. Не скрою, я также активно творю для внешних заказчиков. Видное место в палитре моих работ занимает легендарный перформанс «ЫЫЫ».

– Какое интригующее название, -заинтересовался Смысл, -вероятно, это про мытарства простых филологов?

– Любезнейший ценитель кулис, – всполошился режиссер и стал нервно постукивать пальцами по столу в очередную минуту творческой горячки, -что вы! Это легендарный перфоманс служит одной цели-все участвующие в нем ни от чего не зависят и не боятся делать, что им вздумается. Для этого они выходят на площадь, заворачиваются в фольгу и что есть мочи кричат ЫЫЫ! Потом они, собравшись в круг и приплясывая, занимаются внутренним отреагированием.

– Какой интересный, воистину глубокий замысел в вашем творении, -с жаром и плохо скрываемым сарказмом сказал Смысл, -я ни на йоту не сомневаюсь, что даже сам Бенуа, увидев столь блистательную премьеру, хлопал и хлопал в ладоши не переставая, а когда набил бы на них мозоли, нашел бы вас за кулисами и обнял бы в знак глубочайшей признательности!

– Ох, любезный, спасибо за столь ароматный слог, но, увы, я перестал пить ликеры, и упомянутый вами, к глубочайшей скорби, так и не успел найти и вкусить. Зато у меня есть маленький винный подвальчик, где мы могли бы дегустировать мои вина, сначала вы, потом я, а потом бы вместе сидели бы и дегустировали всю ночь, -сказал режиссер и в его речи слышалось алое пламя.

– За приглашение спасибо, но не пью. Как по мне, так это совершенно бессмысленное занятие, -сказал Смысл и посмотрел на собеседника, ожидая услышать мнение визави.

– Не пьете? Совсем? Да что вы такое говорите, дражайший друг! Подумать только, такой видный благородный джентльмен и совсем не пьет. Вы просто какой то бунтарь, дорогой мой. Да, да, бунтарь и Робеспьер! -сказал режиссер и патетически ткнул указательным пальцем в потолок для убедительности.

– Позволю себе заметить, монсеньор, -повышая градус жеманности, чирикал Приап, -сейчас, в эпоху употребления сухого алкоголя без запаха, пить его могут даже младенцы, престарелые мужчины да женщины. Знаете старинную византийскую поговорку «то что нас не убивает, делает нас сильнее»? Так вот, сухой алкоголь есть ни что иное, как наше спасение, в то же время дружелюбное и безопасное к нашим телам. Позвольте, к тому же заметить, что публика на моих премьерах обостряет чувство и оттачивает слух не иначе как с помощью именно сухого алкоголя. Эх, жаль, сегодня не пятница, а то вы бы посмотрели, какой феерический аншлаг происходит здесь. Зритель идет, как косяки сельди. И, милейший друг, я их очень люблю, они такие изможденные своими праведными трудами, как римские камнотесы, выползают из утлых клетушек своих офисов и порхают в мои творческие объятия. Что еще придаст смысл их существованию, как не мои гениальные творения! Отмечу, что из них так и называется, Самый Гениальный Шедевр. Да, да, смею вас заверить, тоже пользуется успехом как у ныне признанных, не конъюнктурных критиков, так и у интеллигентной публики, имеющей хотя бы немного более воображения и культуры, чем рыба! -закончил говорить режиссер и стал, кокетливо оглядываясь на собеседника, примерять алый фрак с ярко-золотыми полосами на груди и спине. Его ноги украшали кожаные ботфорты и облегающие лосины из мягкой телячьей кожи. Напомаженные волосы лоснились как спина морского котика и изредка отражали свет потолочных светильников в глаза Смыслу.

– Более того, я недавно поставил шикарнейшую пьесу, которую просто захлестнула ревущее цунами успеха, -затараторил режиссер, – я ее назвал «Зевота». Я состряпал такую фабулу-вечный клерк, страдающий гайморитом и тиками, знакомится с роковой красоткой с платьем из алых роз и они плывут, плывут..., протяжно вещал творец.

– К психиатру?, -выпалил, не выдержав накала сценария Смысл.

– Этот грек был неважный сценарист, я думаю, -с затаенной обидой произнес режиссер, -нет, они попадают на тренинг по развитию обаяния и клерк добивается внимания

прекрасной незнакомки, потом они делают много денег и клерк становится владельцем сети дисконтных прачечных. Эта сеть становится крупнейшей в городе и он избирается мэром, выжав из жизни все и став очень богатым человеком, -с азартом проговорил деятель и отхлебнул из хрустального бокала воду с лепестком розы.

– Да, кажется вы напали на золотую сюжетную жилу, -пожалуй, даже сам Аврелий пришел бы продегустировать такой шедевр, -с трудом сдерживая улыбку, заметил Смысл

– Знаете, я не очень люблю звать на свои премьеры городских чиновников, сказал Приап, -хоть они и позволяют немного пощипать за вымя городскую казну, но уж скользко, знаете, иметь с ними дело. Их настроения капризнее Гольфстрима, к тому же я человек прямой, принципиальный, привык говорить без прикрас все что думаю, и эти липкие госудारेвы человечки точно могут натерпеться от меня неприятностей. Есть среди моих друзей несколько прямых в делах своих слуг государевых, они тоже чисты и несгибаемо принципиальны, как клинок юнкера! А так, в массе своей, в основном порченые корыстью попадают...

– Я премного благодарен вам, мэтр кулис, за столь детальное изложение ваших творческих замыслов, за взгляд в самый темный уголок вашего театрального алькова!, источая любезности, сказал Смысл, -возможно, если вы сочтете эту дерзкую просьбу выполнимой, вы позволите мне в полной мере насладиться блеском всех граней вашего бескрайнего таланта, и продемонстрируйте мне воплощение соцветий вашего театрального замысла, - поливал тягучей патокой Смысл самолюбие режиссера. Облокотившись на согнутую в локте руку и положив ногу на ногу, Смысл вопросительно посмотрел на собеседника.

Режиссер заметно оживился, его разгоряченное лицо, покрасневшее еще час назад, приобрело совсем уже малиновый оттенок. Он деловито циркулировал по просторному кабинету, делая причудливые восьмерки вокруг кресла, где расположился Смысл, напоминая большого мохнатого шмеля с волооким взглядом. Казалось, что подошвы его ботинок отталкивались от пола как подпружиненные, делая гигантские шаги по комнате, он шумно рубил воздух, размашисто опуская руки поочередно с таким запалом, что не всякий гусар смог бы за ним угнаться. Наконец это броуновское движение закончилось. Режиссер замер как вкопанный напротив Смысла и сказал, кокетливо подмигнув собеседнику, -о, подсластитель души моей, -в его словах уже слышался натуральный мед, -конечно, все мое искусство до этого я посвятил служению людям. Я барахтался в театральной рутине, боролся с коварными сутяжниками, страшал дерзких бездарей. О, сколько никчемных карьеристов стачивают остроту дарований нашего брата-режиссера! Однако моя скромность и тяжкий труд ради высшей цели принесли свои плоды и теперь столь уважаемый и любимый светом человек как вы, посетил мой скромный алтарь искусства. Стоит ли говорить, мой любезный друг, сколь много значит для меня шанс пригласить вас на свою премьеру. Я срежиссировал новую театральную постановку, выступив и режиссером, и продюсером, и актером, и критиком в одном лице. Я знаю, что в вас уже зреет вопрос-как, ка-а-ак в этом маленьком, хилом и истощенном бессонными ночами теле кипит, бурлит и журчит такой вселенский талант, эдакий гейзер идей и карьер вдохновения? -он погладил себя по волосатой груди в розовой рубашке, -это все, мой друг, тяжкий труд, -он шумно отхлебнул глоток из стакана с розовой водой.

Смысл, утомленный тирадой и уже липкий от приторных речей собеседника, воспользовался паузой и спросил, -так когда же, мэтр? Когда и к которому часу мне прийти на вашу премьеру?

Приап положил ему на плечу ладонь с толстыми короткими пальцами, безымянный палец которой был украшен кольцом в виде жирной золотой гусеницы.

– Любезный мой ценитель прекрасного! Немедля запишите в блокнот-премьера моего спектакля-мюзикла завтра ровно в двадцать ноль-ноль!. А теперь позвольте откланяться, я

вынужден вновь заняться делами, у меня еще просмотр горстки бездарей на роль королевы Торговли. До завтра! -воскликнул творец, прищурившись.

Смысл со вздохом облегчения пожал протянутую в жеманном жесте ладошку режиссера и, с трудом сдерживая приступ тошноты, отправился на свежий воздух. Выйдя за пределы обширной территории на тенистую городскую улицу, он отправился дышать терпким летним воздухом и растворился в наступающих сумерках.

На следующий день Смысл был на оговоренном месте, приехав за час на премьеру. В ожидании третьего звонка он слонялся по коридору, ловя на себе взгляды представительниц местного полусвета. Они одаривали его томными взглядами, стреляли глазками и кокетливо пощипывали странного цвета манто на своих тонких плечиках. Некоторые из них подстегивали фантазии окружающих грандиозностью своих причесок, которые были в несколько раз больше голов самих владельцев. Оттенок гротескности добавляли и наряды фланирующих театралок-пестроте и размерам этих одеяний стали бы завидовать даже павлины. Наконец в начале коридора показался сам режиссер, походкой Петра Первого направлявшийся в Главную ложу. Его сопровождали два вальяжных мулата с зафиксированными на голове ободками из перьев. Завидев издали Смысл, Приап императорским жестом помаанил его к себе.

– Нектар моих фантазий, как вы отдохнули в эту ночь? Рассказываете! -прошелестел режиссер.

– Нормально, -обдал мэтра своей лаконичностью Смысл и быстрым шагом направился в ложу. Прозвенел третий театральный звонок.

Массивный занавес распахнулся и перед Смыслом открылась обильно освещенная сцена. На ней находилась группа актеров, одетых в помятые полу деловые костюмы. Перед каждым из них на специальном столике лежал кочан свежей зеленой капусты и небольшой, остро заточенный нож. Актеры, размещенные полу боком к зрителям, застыли в одинаковых позах. Спустя мгновение, под одуряющий визг скрипки, они начали как один стругать лежащий перед ними овощ, все убыстряясь и убыстряясь. Внезапно они как вкопанные замерли. На разделочных досках лежали идеально порезанные хрустящие дольки. Под аккомпанемент пианино они молниеносно сбросили нарезанную капусту в специальные ящички, расположенные рядом со столиками. Под лихорадочную дробь барабанов, каждый поднял руки над головой, и, стуча рукояткой ножа о доску, принялся кружить вокруг столиков. Из невидимых динамиков хлынул визгливый голос:

чтобы день наш не был пуст,
мы строгаем сто капуст
а в конце недели мы
купим новые штаны
распродажа манит нас,
не упустим звездный час.
забудь милый друг,
про лирический слог,
подумай ты лучше о цвете сапог!

Голос смолк так же резко, как и возник. Актеры как запрограммированные резко сели на свои места и сложили руки за столами наподобие школьников. На сцене громко затикали невидимые механические часы. По сцене с видом залихватских болельщиц прошла группа девушек с большими кумачовыми транспарантами, на которых было намалевано-«Требуем пятницу!»

Спустя пару секунд все действующие лица мгновенно подпрыгнули и со скоростью испуганных головастика скрылись за кулисами.

Прозвучал звонок, знаменующий конец первой части. У Смысла так разболелась голова, что он весь антракт провел в ложе, растирая виски большими пальцами.

Десять минут паузы быстро закончились и гость режиссера вновь обратил внимание на сцену. На ней высилась подсвеченная светодиодными прожекторами площадь, на которой в форме древнеегипетской пирамиды были уложены друг на друга большие плазменные телевизоры, плееры, блестящие пылесосы несуразных размеров, маленькие телефончики, похожие на полированные куски слюды, миксеры, наушники и еще бог знает какой разномастный скарб. Все элементы этой странной конструкцией были соединены между собой тонкой медной проволокой, чтобы сооружение сохраняло форму. Лучи софитов сонно скользили по бокам пирамиды, отчего та светилась и переливалась всеми цветами радуги, будто елочная игрушка. Вдруг раздался приглушенный бой барабанов. Смысл от любопытства даже привстал со своего места и ухватился за ограждение ложи, ожидая увидеть как минимум марширующий римский легион, но его предположения не оправдались.

Барабанная дробь мгновенно смолкла, подчиняясь воле невидимого дирижера. Опять послышался истерический визг смычка и на сцену с невообразимой скоростью высыпала целая толпа актеров: мужчины в помятых костюмах с феерической энергией толкали перед собой покрытые позолотой тележки, в которых возят продукты в супермаркетах. В тележках, приняв позы комнатных хищниц, замерли молоденькие актрисы, открытые части тел которых лоснились от искусственного загара и нещадно бликовали.

Мужчины высыпали на сцену и, толкая перед собой тележки, стали вытягиваться в полосу, словно пчелиный рой. Рой постепенно окутал подножие пирамиды и завертелся в таком танце, что у Смысла стала кружиться голова и заложило уши. Из динамиков ревело:

Вот и пятница опять.

Ать! Ать!

Заработал-так потратить!

Ать! Ать!

Знает каждый наш герой!

Ой! Ой!

Деньги дай и стань собой!

Ой! Ой!

Воздух сцены разорвал удушливый фальцет:

Пусть день повседневный

Уныл и бесцветен

А жизнь-мелодрама болезней и сплетен

Пусть день -череды суеты ради денег

А жизнь твоя словно изношенный веник

Ты пятницу эту дождись и тогда

Отступит тоска, растворится беда

Ты словно король, на вершине вниманья

Даешь же веселье! Умрите, страданья!

Вдогонку нелепым куплетам устремился тонкий детский голосок:

Так не будь же ты сердит!

Вещь скорей бери в кредит!

Голос опять резко оборвался. Люди на сцене замерли и все как один развернулись направо в сторону кулис. Раздался грохот фанфар и за занавесом угадывалось шумное движение каких то совершенно безразмерных предметов. Под беспощадный к слуху зрителя писк скрипки и гудение тромбона на сцену чинно и неумолимо, как стадо слонов, выдвигалась неторопливая процессия. Сотни полуобнаженных мужчин и женщин с картонными фуражками на голове абсолютно синхронно тыкали указательными пальцами вверх

и подпрыгивали на носках, как делают люди, увидевшие на кухне мышь. Посреди процессии высились два похожих на паланкины сооружения ярко розового цвета, нещадно посыпанных стразами. Сооружения были зафиксированы в кузовах двух грузовиков матово черного цвета, за рулем которых сидели девушки в костюмах зайцев. В импровизированных паланкинах, на бархатных подушках, поблескивая золотом и бриллиантами, возлежал Приап. Над его головой большими неоновыми буквами было написано «господин Бартер», на аналогичном ложе расположилась сегодняшняя муза Приапа. Ее покрытая иссиня коричневым загаром кожа блестела, как лихо начищенные сапоги унтер офицера. Над головой женщины сияла надпись «Миссис Торговля». На полу площадки между героями сцены располагался огромный варан грязно зеленого цвета, маленькие блестящие глазки рептилии беспощадно сверлили пространство, раздвоенный язык то и дело зондировал воздух. Толпа актеров, танцевавших только что вокруг пирамиды расступилась, как волны расступаются перед кораблем, и процессия выкатилась прямо в центр сцены. Невидимый оркестр яростно и беспощадно заиграл туш и на мгновение замер. Приап и «Торговля» встали со своих лож и жестами римских патрициев начали рассыпать в толпу ярко желтые купоны с черной надписью «Скидка». Люди, окружавшие обе машины, стали подхватывать сыпавшиеся с высоты кусочки бумаги, и в суррогатной творческой эйфории принялись демонстративно втирать их в одежду, как это делают курортники, дорвавшись до целебных грязей.

Грохот сотен инструментов продолжался, рождая какофонию, подобной которой Смысл еще не видывал. Одновременно с гроыхающей в тысяче оттенках музыке с невидимого из ложи потолка сыпался мелкий порошок, похожий на мелко порезанное и засушенное растение. Спустя мгновение в воздухе отчетливо запахло петрушкой. Перед гримасничающими и кривляющимися на все лады актерами неторопливо съезжался занавес. Смысл, зажимая нос ладонью, начал протискиваться к выходу, локтями пытаясь преодолеть плотные кордоны восторженно хлопающей публики. От криков «браво!» в холле здания тонко вибрировали стекла и покачивалась массивная люстра. Энергично работая локтями, Смысл поравнялся с Приапом, которого как мухи облепили экзальтированные зрители. Он с видом доброго цезаря подставлял небрежно сложенную щепоткой ладонь, которую страстно лобызали фанаты мэтра. Внезапно его блуждающий в подворотнях собственного величия взгляд наткнулся на Смысл. Тот начал еще интенсивнее протискиваться к выходу.

– Куда же вы, мой Аполлон! -патетично воскликнул режиссер, на деле сохраняя полное равнодушие к уходящему гостю. Толпа поклонников мгновенно шарахнулась от мэтра, словно испуганные выстрелом перепелки.

– Как вы находите мой перфоманс-мьюзикл? -спросил Приап.

Э-э-э, -подбирал фразу Смысл, -кажется, ваши почитатели испытали творческие оргазм. Только роль в драматургии сыпавшейся с потолка приправы я, честно говоря, не распознал. И роль вашей благородной ящерицы я не очень понял.

– Ах вы шалун эдакий, -сказал режиссер и подмигнул, – меня озарила эта светлая идея, когда я изучал старинные театральные постановки. Там неоднократно упоминался королевский шут, которого звали Петрушка. Тем самым я передал благородной публике сигнал, введя в фабулу постановки сию специю, что и тут есть место юмору и гротеску. А мой домашний дракончик Тотоша – просто забавный дружок, который держит мое вдохновение в постоянном тонусе. Когда я его глажу по складчатой коже, он урчит и мне становится легче на душе. Он практически полноправный член моей большой и свободной семьи, -на лице мэтра отразился и заиграл оттенками яркий золотистый свет от при потолочного освещения.

Внезапно Смысл почувствовал сильное головокружения, перед его глазами поплыли сине-желтые круги, к горлу подкатил ком, в ушах зашумел монотонный гул, словно он попал в огромную центрифугу. Смысл, не прощаясь, изо всех сил устремился к дверям. Толпа, увидев его выражение лица, шарахалась, как от прокаженного. Лишь спустя десять минут

бега наугад по заполненной гуляющими людьми улицам вернули ему ясность сознания и он смог ориентироваться в городских джунглях.

Верный своему намерению оценить людскую жизнь во всех нюансах и красках, во всем противоречивом многообразии, Смысл накручивал многие тысячи километров, используя в своей непростой миссии все возможные виды транспортных средств, за исключением, пожалуй, подводных лодок. Впрочем, если бы ситуация бы потребовала воспользоваться последней, Смысл бы ни секунды не мешкая прыгнул бы в командирскую рубку субмарины. К счастью, пока ход событий не требовал столь радикальных усилий, он вполне успешно пользовался обычным транспортом, что ежедневно с армейской и не очень пунктуальностью перевозят пассажиров по всему земному шару. И вот, по-прежнему влекомый своей намерением, наш путешественник прибыл в один крупный город, где по предварительной договоренности ему была уготована встреча.

Смысл вышел из черного такси, быстро расплатился и решительными шагами направился в сторону близлежащего здания. Строение представляло собой куб, расположившийся на обширной территории, на которой запросто бы разместилось несколько футбольных полей. Периметр этого места был продуманно окружен ограждением из нержавеющей стали, поодаль от кубического здания располагалось не менее просторное поле, сплошь заставленное близко расположенными к друг другу антеннами спутниковой связи, напоминающих шляпки грибов, перевернутых вверх ногами. Над входом в здание красовалась голографическая надпись «Синдикат Трансляции Смыслов», она находилась в воздухе совершенно без опоры, наполняя воздух ровным белым светом. Полюбовавшись пару секунд на произведение электротехнического искусства, Смысл вошел в здание с черными стенами. К его немалому удивлению, изнутри здания была прекрасно видна окружающая действительность, более того, при усилении солнечного света происходило автоматическое затемнение стекол, что ассоциировалось с удивительными живыми организмами. Около стойки ресепшн, облокотившись на нее локтем, стоял высокий голубоглазый юноша в лаконичных джинсах, темно-сером свитере и больших очках с овальными стеклами без диоптрий. На ногах юноши красовались неопределенного вида кеды с кокетливыми, абсолютно оранжевыми шнурками. Увидел входящего в дверь Смысл, юноша заметно оживился и в одно мгновение превратился в Мистера Сама Любезность. Взяв ненавязчивым движением Смысл под руку, он сказал наигранным басом, -А вот и вы! Мой начальник уже заждался вас, растревожив звонками всю нашу рецепцию и меня-ну когда же мистер Бодлер приедет к нам? -затараторил парень.

– А вот и я, -без тени иронии сказал Смысл, -не будем терять время, молодой человек! Ведите меня к вашему боссу!

Спустя пару минут скорой ходьбы по витиеватым коридорам здания, они подошли к дверям просторного кабинета, стены которого были весьма искусно выполнены из цельных кусков оранжевого стекла. Слегка постучав в дверь, парень замер, заметно нервничая и кусая губы. -Войдите, -сказал невидимый голос. Сопровождавший Смысл парень в ту же минуту выдавил из себя скомканную улыбку и жестом предложил войти, после чего спешно удалился в бескрайние коридоры.

– Директор по синтезу смыслов СТС, – решительно протянул руку Смыслу долговязый мужчина в больших квадратных очках и замшевом пиджаке. Его ноги украшали кожаные кеды и расклешенные штаны из вельвета. За прозрачными стеклами очков скрывались немигающие, смотревшие в упор холодные голубые глаза, напоминающие беспристрастные объективы кинокамер. Лоб собеседника, был испещрен складками, словно строчками телесуфлера. Рот менеджера занимала небольшая сигарилла, наполняя пространство ароматами Барбадоса и Таити, каждую сказанную фразу новый знакомец притворялся обильными клубами дыма, захламлявшего и без того душное помещение. На стене, перед которой

был расположен письменный стол, висела большая картина, исполненная в лучших традициях абстракционистского искусства. Пожалуй, в своем стремлении к смешению красок автор превзошел даже Веллема де Кунинга. Лишь благодаря весьма развитому воображению Смысл смог различить на картине кончик сигары, зажатой в руке нарисованного персонажа и его пронизывающий насквозь колючий взгляд.

– Продюсер Бодлер, -поздоровался Смысл и протянул руку собеседнику.

– Да, да, тот самый Бодлер, -расшаркался в словесных реверансах директор, сверкнув стеклами очков и провел широким жестом по волосам ладонью с пальцами пианиста.

– Председатель совета директоров настоятельно рекомендовал встретиться с вами для небольшой экскурсии по нашей организации, -с подобострастными интонациями продолжил директор, – чтобы помочь вам услышать и увидеть, так сказать, сквозь треск кинокамер, квинтэссенцию нашей работы. Иными словами, как мы создаем все то, что потом превращается в пульсирующие цифры и через фидеры кабелей разносится по пространству.

Гость синдиката не мешкая, сказал, – уважаемый продюсер, тема смыслов, в определенной степени мне близка. Давным давно я даже защитил докторскую диссертацию по этой теме. Мне будет очень интересно узнать, как из всего многообразия смыслов вы, так сказать, вылавливаете наилучшие и превращаете их в потоки электромагнитных импульсов с помощью своей энергичной и многолюдной команды сотрудников. Как вообще, по каким лекалам и принципам, вы определяете индивидуальное соответствие смысла ваших произведений, вашего продукта с вашим конкретным телезрителем? Как вы можете поручиться, что транслируемые на весь белый свет смыслы обладают должной чистотой, светом, что они не ядовиты и безопасны при усвоении внутрь?

Продюсер внимательно и по-прежнему не мигая, смотрел на Смысл. Его мимика ни единым движением не намекала на интенсивность и вектор его мыслительного процесса, да и вообще на наличие такового. Неискушенному человеку вообще могло бы показаться, что этого процесса нет и особо никогда и не было. Мужчина начал пускать клубы дыма в воздух в виде идеальных колечек, постепенно убыстряясь. В этот момент он напоминал старинный локомотив, который разгонялся все быстрее и быстрее. Не привыкший к такому запаху, Смысл чихнул. Мужчина продолжал пытеть, кончик сигариллы в такт раскалялся и угасал, покрываясь сизым пеплом. Выпустив огромный клуб дыма, продюсер наконец вынул сигариллу изо рта и резким движением положил ее в пепельницу в виде открытой человеческого головы.

– Ваш вопрос, коллега, поверг меня в совершеннейшее изумление. Пожалуй такое изумление я не испытывал со времен окончания университета, когда на одном из практических занятий увидел огромную сороконожку, которая неведомым мне образом заползла в объектив кинокамеры и там поселилась. Ваш вопрос, коллега, странен еще и тем, что сама концепция смысла в вашей постановке вопроса никуда не годится. Как вы себе можете даже допустить, даже на секунду представить, -продюсер распалялся как мощный гудящий софит, -что у человека, вкушающего наши, не побоюсь аллегории, кулинарные произведения, есть иные способы отыскать смысл? Знаете, дорогой Бодлер, я не только продюсер. Пятнадцать лет назад я изучал в Сорбонне труды известного ученого, который сказал, что человек, который задается поиском смысла, нездоров, я даже написал на его книгу несколько хвалебных рецензий. Более того, вы намекаете, что вся наша обширная аудитория нездорова, что она мечется в лихорадке бессмысленности? Да и как, вообразите себе только, средний заблудший гражданин, в вашем понимании, обретет смысл? Он его что, купит в ближайшем киоске с театральными билетами? Ну купит, допустим, а кто поручится, что срок годности его не истек? Что он не поддельный, в конце концов.? Что этот купленный им смысл не является злонамеренно испорченным продуктом, которого дотянулись грязные лапы вездесущих бутлегеров? По моему глубокому и искреннему убеждению, исключительно изобретенные нами

смыслы могут считаться самыми полезными, естественными и безопасными для наших зрителей. Знаете, у меня дома уже много лет живет весьма привередливое животное-сиамский хорек. Он безукоризненно добр, вечно прыгает мне на шею, когда я возвращаюсь с работы, превосходно ладит с моими домашними, вызывая всеобщее умиление и желание почесать у него за ухом. Но знаете в чем его критическая особенность, Бодлер? Это благородное животное тянет в рот все, что видит, все, что находится в радиусе его зрения и обоняния. Эта пагубная всеядность оборачивается чрезвычайной неразборчивостью в пище, что делало нас неоднократно гостями моего личного ветеринара. Хорь от такой пищи бесился и вел себя как бесконтрольный, неуравновешенный и опасный волчок, представляя угрозу всем домочадцам. Мы нашли простейший выход-стали покупать специальный корм с запахом занзибарской улитки. Этот корм приготовлен знающими людьми, в условиях, которые не вызывают у нас вопросов по чистоте. Состав этого корма безупречно выверен с учетом самых современных данных, извлеченных при помощи доказательной ветеринарии. Каков итог, спросите вы, Бодлер? Мой благородный хорь здоров, весел, в меру подвижен и снова стал центром притяжения для моих детей и жены. Мы, Бодлер, – с видом маститого академика на университетской кафедре продолжал директор, – взяли и применили эти принципы на всех этапах создания нашего продукта: мы сами тщательно взвешиваем смыслы, выверяя их значимость и питательную ценность. Мы с любовью перемешиваем эти смыслы друг с другом, стремясь соблюсти их первозданный вкус. Мы с любовью и заботой, деликатно и осторожно, доносим их по заранее продуманным каналам до нашего требовательного зрителя. И, мой почтенный гость, на другом конце наших кабелей, где располагается наши почитатели, вы не услышите в ответ ни одного дурного слова в наш адрес. Вы услышите только довольное причмокивание, словно звуки младенца, сосущего материнскую грудь, -вытирая со лба пот тыльной стороной руки, сделал короткую паузу в монологе директор и продолжил, -они, словно телята, стоят на своих неокрепших ногах, неустанно припавшие к своей матери-корове!

Поэтому, поверьте, смысл лишь изобретаемая профессионалами субстанция, которая бережно доносится до нашей изможденной тяжелой повседневностью аудитории. И точка, -от его резкого удара каблуком о блестящий пол действительно образовалось темное пятно.

В процессе оживленного диалога Смысл и директор незаметно вышли из кабинета и теперь двигались параллельно друг другу по одному из бесконечных коридоров здания, словно лепестки ромашки расходившихся от просторного кабинета директора. Неожиданно им навстречу показался человек, голову которого украшала огромная копна волос, напоминающих большой и пыльный придорожный куст. Вытянутое скуластое лицо украшала жиденькая бородка аналогичного цвета. Вся эта хаотичная растительность колыхалась в такт каждому его шагу. Бледно-зеленые глаза незнакомца постоянно двигались, челюсти непрерывно пережевывали загадочную субстанцию.

– Кстати, прошу любить и жаловать! – жестом вельможи продюсер указал Смыслу на попутчика, – наш ведущий технолог по созданию смыслов Иннокентий Неврозов.

– Иннокентий, -под нос пробормотал Неврозов и всунул потную ладошку в руку Смыслу. Тот, пожав руку, ощутил словно удар током от заряженного конденсатора.

– Ох ты ж, глайдтрек меня подери, я же ж в режиссерскую шел! -выпалив без единой паузы слова, Неврозов на несгибающихся ногах, словно большой седой кузнецик, зашагал в противоположную сторону.

– Так вот, на чем мы остановились? -собрался с мыслями директор, -я имею в виду, что наши зрители и слушатели ценят тот разнообразный, не повторяющийся и безупречно свежий поток смыслов, который уходит небесные сферы и спустя доли секунды достигает их сетчаток и барабанных перепонок. Они даже более благодарны и преданны нам, нежели алчные до зрелищ плебеи, которым император разбрасывал увесистые буханки хлеба! -свою речь директор сопровождал активнейшей жестикуляцией, издали, если не слышать произ-

носимые им слова, могло показаться, что человек косит снопы невидимой косой и отмахивается от множества мошек.

– Кстати, а вы знаете, что благодаря тысячам бессонных ночей наших, не побоюсь этого слова, гениальных инженеров, нам удалось совершить грандиозный прорыв в искусстве медиа и живописи? – тщательно имитируя скромность, воскликнул менеджер.

– Да, и что, широкий прорыв образовался? – спросил Смысл, постеснявшийся уточнить взаимосвязь эфира и живописи.

– О, пожалуй со времен Сократа и Евклида человечество не знало таких прорывов. Вы только вообразите, мистер Бодлер, – с интонацией жреца заговорил продюсер, – нашим творцам-инженерам удалось доселе невероятное-они смогли сделать изображение, которое видит на своем приемнике наш зритель, трехмерным!

– Да? А разве кого то сейчас можно удивить трехмерным изображением? Разве что индейцев из племени Амондава? – скептически спросил Смысл.

Вы совершенно правы в этом, Бодлер!, – продолжал продюсер, – но самое феноменальное в их техническом детище другое: во-первых, наряду с трехмерными изображениями нам удалось разработать передачу запахов через специальное приемное устройство, во-вторых, участник любого шоу, фильма, сюжета или иного события, которое видит в данный момент зритель, может обретать подвижность непосредственно в помещении, где происходит просмотр: зритель может, к примеру, гладить собаку, которая в этот момент гуляет где то в интерьерах фильма согласно сценарию. Более того, зритель сам оказывается среди героев событий, в своего рода интерактивном театре. Иными словами, герои, например, фильма, располагаются теперь не просто на плоском и безжизненном лице приемника, а находятся в комнате вместе со зрителем, так, как и мы сейчас находимся друг с другом рядом, – сказал продюсер.

– И что же, – спросил весьма заинтригованный новым техно прорывом Смысл, – а зритель, будучи в окружении героев некоего фильма, тоже становится участником этих событий? А эти герои действуют по изначальному сценарию, согласно своим ролям или по новой фабуле с учетом нового участника?

– Вы знаете, мой уважаемый гость, – с оттенком мечтательности сказал продюсер, – в отношении фильмов нам удалось пока добиться только трансляции объемных изображений героев и запахов сюжета в помещение, где находится наш требовательный и нетерпеливый зритель. А вот в случае с публичными шоу, которые, как вы наверное слышали, имеются и разрабатываются у нас в большом количестве, зритель может быть активным участником событий, подавать голос и влиять на ход дискуссии. Для этого нужно, в принципе, не так и много-в павильоне, где снимается, например, ток шоу, монтируется специальная приставка, которая дополняет происходящее в зале активно присутствующими там зрителями в своего рода бестелесных оболочках, дистанционно присутствующими, замечу, то есть не считая тех, которые в живую сидят в помещении, где идет трансляция. Иными словами, зритель, сидя дома, параллельно может присутствовать в любом съемочном павильоне или студии.

– Да, это действительно впечатляет, – удивленно, но без тени восторга и одобрения посмотрел Смысл на продюсера. Он уже представил в какой вселенский хаос превратится жизнь среднестатистического адепта новой технологии, до сих пор безмолвно сидящего по ту сторону экрана и ничем не выдающего своего присутствия.

– Что вы, что вы, – замахал руками, словно отпугивая невидимое насекомое продюсер. Мы перед тем, как тиражировать эту технологию, провели основательнейшее исследование, которое безапелляционно подтвердило правоту и своевременность наших выводов: наша технология более чем востребована! Кроме того, в свое время от трактора люди тоже шарахались как от ядовитого тарантула, поэтому мерную поступь прогресса стоит слушать

простому смертному с немного большим пиететом и уважением, нежели сейчас некоторые себе позволяют! -с жаром сказал менеджер.

– А что, есть противники новой и столь прогрессивной, по-вашему технологии? – с целой гаммой удивления спросил Смысл.

– Да, был тут один чудак-неудачник. Отставший от жизни, от людей и их насущных потребностей. Вообразите только, пытался убедить всех нас, что людям нужно живое общения, личные смыслы, время в кругу семьи..., творчество, жизнь ради чего то... Если каждый будет вариться в личных смыслах, эти люди превратятся в самогонщиков с совершенно непредсказуемым результатом. А тут мы, словно благородные аптекари, освященные знанием, дозировано, в нужных объемах и концентрациях производим смыслы столько, сколько и надо, и такие, которые наилучшим образом отвечают уже более чем изученной нами человеческой натуре, -собеседник Смысла сделал паузу и замолчал, с молчаливым вызовом глядя перед собой.

– А что стало с этим чудачком? -с нетерпением спросил гость Синдиката.

– С тех пор, как мы скрестили наши копыта в решительной вербальной битве, я о нем ничего не слышал. Судя по доносящимся до меня слухам, он стал каким то третьесортным писателем и пишет инструкции к бытовой технике и газонокосилкам. Кстати, продюсер, -сказал директор, обращаясь к Смыслу с едва заметными льстивыми нотками, -наш отдел изысканий как раз в это время проводит предпродажное исследование на отчаянно смелых добровольцах нашей новой разработки. Ее предыдущая модель уже более десяти лет пользуется совершенно феерическим спросом у наших преданных зрителей. Нынешняя модель основана на концепции и устройстве предыдущей, только в этой нам удалось добиться передачи на любые расстояния объемного изображения, неотличимого от реальности даже на вкус и обоняние самого искушенного зрителя. Если желаете, мы тотчас отправимся в наш экспериментальный отдел, где вы сами можете при желании испытать нашу разработку.

– Да, -сказал Смысл, -думаю, что грех не воспользоваться такой редкой возможностью!

– Прошу следовать за мной, -сказал директор и энергичными шагами направился в один из бесчисленных коридоров, отходящего, как луч солнца, от большого круглого холла, где располагался его кабинет.

Спустя пятнадцать минут энергичной ходьбы директор и его гость оказались перед герметичной дверью серого цвета, из-за которой не было слышно ни единого звука.

Директор нажал на большую зеленую кнопку, спустя мгновение дверь распахнулась и они вошли в ярко освещенное бестеневыми лампами помещение. Прямо навстречу неожиданному визитеру вышел неприметный человек в совершенно сером костюме и с зеленым галстуком. Ни произнося ни слова, человек вопросительно смотрел на директора. Тот сказал, вполоборота повернувшись к Смыслу, -это руководитель группы разработчиков Содержания господин Мукалтини. Он с рождения немой, поэтому вы не услышите от него лишних вопросов. Он руководит тестированием и совершенствованием наших разработок. Спасибо, Мукалтини, -сказал с одновременным сурдопереводом директор.

Мукалтини едва заметно кивнул в ответ и исчез. Смыслу показалось, что он даже слышал в этот момент едва уловимое шипение.

Немного привыкнув к безжалостному свету ламп, Смысл осмотрелся. Помещение представляло собой комнату без единого окна, залитую мертвенно бледным светом. Справа от двери располагался заставленный аппаратурой в несколько рядов стол. Напротив множества мигающих светодиодов и мерцающих дисплеев расположились несколько ничем не примечательных людей, одетых в совершенно одинаковые с господином Мукалтини костюмы, единственное, их галстуки были голубыми.

Наискось от стола с непрерывно крутящими ручки своих приборов техниками располагалось совершенно обычное кресло, совершенно идентичное тысячам домашних и офисных кресел.

В кресле располагался давно не стриженный мужчина неопределенных лет, одетый в рубашку то ли коричневого, то ли бордового цвета, небрежно заправленную в некогда чистые джинсы. На его ногах были выдавшие виды кожаные тапки с носами, загнутыми в сторону потолка. Челюсти персонажа непрерывно жевали некий субстрат, что автоматически подносился ему ко рту изящной искусственной рукой со множеством бесшумных сервоприводов. Верхняя часть лица незнакомца было закрыта эластичным материалом, который плотно прилегал к коже, словно маска газосварщика. На поверхности этого подобия маски переливались волны света, в своем разнообразии превосходившие множество радуг. Вокруг ушей человека располагалось полукольцо, которое плотно захватывало затылок незнакомца. От полукольца отходили пять мягких элементов, напоминающих щупальца осьминога, расположенные в области висков и темени испытуемого. У самого основания маски, в области переносицы, располагалось по дюжине мельчайших, едва заметных невооруженным глазом отверстий.

– Вот, нашли свежего зрителя, прямо из-за приемника вытащили и привезли сюда для натурных испытаний, так сказать, – с гордостью естествоиспытателя сказал директор, – обратите внимание, Бодлер: сигнал идет прямо в головной мозг, модифицируя негативные или излишне горячие мысли, превращая их в ровные, беззаботные и полезные нейроимпульсы. Эти импульсы синхронизируются с изображением, которое подается через визуализатор. Да, это именно эта пластинка, – пояснил директор, увидев вопросительный взгляд Смысла, – обратите внимание, что даже запах не извлекается из вещества, а возникает сразу в мозгу зрителя с помощью специально модифицированного тока.

И заметьте, Бодлер, на вот это наше ноу-хау, – он показал на едва различимый в ярком помещении плоский диск, расположенный на маске над переносицей зрителя, – это специальное устройство позволяет делиться трансляцией с любым человеком, у которого есть подобное приспособление.

– И у многих оно есть? – спросил Смысл, очень надеясь услышать отрицательный ответ.

– О-о-о-о! – словно вытирая руки купюрами, сказал директор, – за прошедший месяц мы получили уже десять миллионов предоплаченных заявок на покупку. И это при том, дорогой мой, что пользователь даже не знает детальных характеристик этого замечательного изделия. В своем предварительном оповещении зрителей мы лишь предоставили его обобщенное описание и не слишком подробно прорисованное изображение. Но каков результат, – голос директора гудел, как ослепительно начищенный колокол.

– Хотите, мы дадим Вам, Бодлер, попробовать в деле наше устройство, дабы у вас испарились последние сомнения относительно правоты моих слов?

– Давайте, любопытно испытать, – сказал Смысл, явно испытывая чувства, противоположные директорским.

Директор жестом приказал сотрудникам предоставить Смыслу полностью аналогичный описанному транслятор. Спустя пару секунд без единого лишнего движения инженеры водрузили приспособление на голову Смысла. Тот сидел, словно водолаз перед погружением, не издавая ни единого звука.

– Как, Бодлер, вам нигде не жмет? А то можем отрегулировать! – живо поинтересовался директор. Смысл вместо ответа поднял вверх большой палец правой руки.

– Запускай шоу номер триста сорок семь, – сказал вполголоса директор инженеру. Тот сделал несколько едва заметных движений, настраивая транслятор.

Перед глазами Смысла несколько секунд была крошечная темнота, спустя мгновение вспыхнуло и, как бескрайняя скатерть-самобранка, развернулось трехмерное пространство,

наполненное цветами привычного людям спектра но с каким то неестественным кислотным оттенком. Изображение было идеально объемно, ни единая деталь, даже самая второстепенная, не выдавала его искусственное происхождение. Даже самый опытный геолог, замерев в безмолвном восхищении, не смог бы отличить ее от живого ландшафта. Смысл увидел перед глазами огромную поляну, сплошь покрытую изумрудно зеленой травой, насыщенную приглушенным сиянием светло-желтого оттенка. Опустив глаза вниз, он с удивлением заметил, что его ноги, почему то босые, находятся прямо на мягкой траве. Более того, он даже ощущал прикосновение каждого зеленого стебелька к своей коже. Послышался едва уловимый запах лаванды, который, лишь обладая носом парфюмера, можно было уличить в синтетическом происхождении. Внезапно прямо из пространства по обе руки от Смысла возникли три ожившие пары юноши и девушки. Они были абсолютно неотличимы от живых людей. Глаза, губы, волосы, каждая часть тела дышала виртуальной жизнью, которая, как хамелеон, имитировала жизнь реальную. В воздухе зазвучала незамысловатая мелодия и все три пары пустились в замысловатый танец. Спустя мгновение, Смысл обнаружил, что он солирует в этом неведомом ему ранее танце, с лихостью бывалого танцора отбивая непростые коленца. Аромат лаванды становился все более насыщенным, уже отдавая удушливой эссенцией. Смысл к непередаваемому удивлению продолжал демонстрировать чудеса пластики, двигая ногами в азарте ярмарочного шута. Девушки и юноши, как ни в чем ни бывало ускоряясь, вертелись вокруг Смысла со скоростью шпинделя большого токарного станка, доводя до ментального трепета. Запах лаванды уплотнился и стал нещадно разить в нос, отчетливо напоминая дезодорант для уборных. В голове Смысла молнией проскочила мысль, возникшая словно из ниоткуда-сколь уныло это зрелище, скрывающее за яростной веселостью бездонную пустоту, уныние захлестнуло его с головой. С неосязаемой для глаза скоростью картина с мельтешащими парами сменилась панорамой большой ледяной горы, на которую, пыхтя и поскальзываясь, словно морские котики, ползли толстые мужчины и женщины в полосатых гетрах, широких плоских ботинках и мешковатых одеждах. Вся эта феерия дополнялась вспышками неведомо откуда исходящего хохота. Шум нарастал и превращался в один непрерывный гул, странные люди все быстрее карабкались на гору и кучей-малой ссыпались вниз, хохот бушевал вовсю. Отчетливо ощущалась бодрящая прохлада морозного воздуха, окатившего лицо ледяной волной холода. Внезапно картина резко исчезла и в воздухе опять повис тошнотворно-удушающий запах лаванды. Смысл отчаянно размахивая руками, вспоминая на ходу все известные ему жесты. Наконец, когда он провел по горлу ребром ладони, техники синхронно подскочили к нему как к ценному лабораторному животному, которое вот вот испустит дух в интересах науки, и стащили с его головы визуализатор. Бесстрашный участник эксперимента был совершенно мокрый, волосы на голове превратились в не расчесанный ком, похожий на птичье гнездо после урагана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.